

© 2023 г.

Т.М. ДАДАЕВА, Н.В. ШУМКОВА

ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РЕАЛЬНОМ И ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна – доктор социологических наук, доцент, профессор (dadaeva13@mail.ru); ШУМКОВА Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, доцент (niiregion@mail.ru). Обе – кафедра социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия.

Аннотация. На основе данных социологического опроса студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва ($N = 1123$) анализируется влияние на их включенность в деструктивные практики таких факторов социализации, как семья, группы сверстников и социальные сети. Выявлено, что респонденты из «группы риска», которые чаще отмечают вовлеченность близких друзей в деструктивные практики, также чаще демонстрируют низкий уровень коммуникации и контроля в семье, слабую интегрированность и коммуникацию в студенческой группе, но при этом чаще проводят время в электронных социальных сетях и, как следствие, чаще сталкиваются там с деструктивным контентом.

Ключевые слова: социология девиантности • деструктивные практики • студенческая молодежь • группы риска • семья • сверстники • социальные сети

DOI: 10.31857/S013216250023446-3

Активно развивающиеся в последние годы социологические исследования девиаций в молодежной среде проводятся преимущественно в рамках качественной парадигмы [Иванов 2020; Козлов, Мингалиев 2020], количественных же исследований значительно меньше [Карпова и др., 2020]. Между тем эмпирически-конкретное социологическое изучение вовлеченности студенческой молодежи в деструктивные практики сегодня является крайне актуальным из-за общего роста социальной напряженности в стране.

Основываясь на данных опроса студентов одного из крупных региональных вузов, мы представим некоторые важные характеристики вовлеченности студенческой молодежи в деструктивные практики и попытаемся выявить влияющие на нее факторы. Под деструктивными практиками мы понимаем разрушительные действия, обусловленные следованием определенной системе ценностей (идеологии), мотивации, приносящие вред здоровью, жизни и/или имуществу как отдельных людей, так и обществу в целом. Подобные практики могут совершаться по отношению к себе (своему телу, здоровью, жизни), единолично (в случае суицидальных практик, самоповреждения и т.д.) либо в сообществе других и/или по отношению к другим (экстремистские и террористические организации).

Использован структурированный прямой онлайн-опрос по формализованной анкете¹. Полевой этап проводился в мае–июне 2022 г. среди студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры очной формы обучения всех факультетов Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва ($N = 1123$, всего в данном вузе 11 тыс. студентов). Доля опрошенных

¹ Часть вопросов анкеты взята из инструментария, разработанного специалистами Лаборатории мониторинговых исследований Московского городского психолого-педагогического университета.

на каждом факультете составила не менее 10% от общего количества студентов очной формы обучения. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует данным по МГУ им. Н.П. Огарёва, что позволяет считать результаты репрезентативными для данного вуза.

В исследовании проверялась гипотеза, что включенность молодежи в деструктивные практики определяется уровнем взаимодействия и контроля в семье, коммуникации и интеграции со сверстниками, а также коммуникации в социальных сетях (в Интернете).

«Скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты». Один из вопросов анкеты касался близких друзей и знакомых респондентов, вовлеченных в деструктивные практики. Полученные данные характеризуют близкий круг респондентов и позволяют косвенно определить уровень возможной вовлеченности самих опрошенных в такие практики. Почти 2/3 студентов ответили, что среди их друзей и знакомых есть те, которые «собирались компанией и пили алкогольные напитки на “вписке”»² (21%), «подвергались травле, издевательствам со стороны одноклассников, одногруппников» (14%)³, «собирались во дворе/парке и слушали громкую музыку поздно вечером/ночью» (13%), «являются активными футбольными фанатами, офниками⁴» (11%), «занимались самоповреждением (наносили себе раны и т.д.)» (11%). Только 46% ответили, что «не имеют таких друзей и знакомых», еще 13% были «не готовы отвечать на данный вопрос».

На основе переменных, описывающих виды деструктивных практик, в которые возможно включен респондент, авторы провели кластерный анализ⁵, в результате было получено три кластера (табл. 1) – группы респондентов с предполагаемо высоким уровнем

Таблица 1

**Кластеризация студентов по уровню предполагаемой включенности
в деструктивные практики, в %**

Виды деструктивных практик	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Собирались компанией и пили алкогольные напитки на «вписке»	92	43	–
Подвергались травле, издевательствам со стороны одноклассников	73	24	–
Лазили по старым бомбоубежищам, складам и прочим «заброшкам»	70	18	–
Пробовали курить «травку»	70	5	–
Занимались самоповреждением (наносили себе раны и т.п.)	66	19	–
Воровали в магазинах продукты, вещи и т.п.	59	16	–
Собирались во дворе и слушали громкую музыку поздно вечером	57	26	–
Попадали в полицию из-за того, что пили алкоголь на улице / парке	49	10	–
Осуществляли травлю, издевались над одноклассником	45	9	–
Пытались покончить с собой	43	7	–
Участвовали в политических акциях протеста	38	3	–
Являются футбольными фанатами (футбольными хулиганами)	35	24	–
Отправляли угрожающие или оскорбительные смс, письма, сообщения	34	8	–

² На молодежном жаргоне это означает молодежные домашние вечеринки с ночевкой, на которые через социальные сети приглашаются малознакомые или совсем незнакомые люди.

³ Активное вовлечение в деструктивные практики как в роли агрессора, так и в роли жертвы ведет к попаданию в «группу риска» (например, из скулшутеров, многие подвергались разным формам буллинга).

⁴ Так называют околофутбольных фанатов, которые устраивают драки «толпа на толпу», чтобы решить, фанаты какого футбольного клуба сильнее.

⁵ Сначала проводился двухэтапный кластерный анализ, затем выбранное решение проверялось методом k-средних, достижение 2/3 совпадений состава кластеров говорит об устойчивости полученной модели (в анализ были включены практики, набравшие более 1% респондентов).

Окончание таблицы 1

Виды деструктивных практик	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Разрисовывали стены домов, лифтов, транспорта	31	8	–
Продавали легкие наркотики	24	–	–
Подверглись нападению, были избиты людьми другой национальности / вероисповедания	21	6	–
Принадлежат к религиозным сообществам, сектам, культам ⁶	21	2	–
Подписаны в социальных сетях на контент о маньяках, «колумбайнерах», массовых убийцах	18	2	–
Принадлежат к праноедам, сыроедам, фрукторианцам	15	2	–
Нападали, провоцировали драку с людьми другой национальности / вероисповедания	15	1	–
Снимали травлю, издевательства над одноклассниками на видео	11	3	–
Нет таких среди моих друзей и знакомых	–	–	100

вовлеченности в деструктивные практики («группа риска», 7%), с низким уровнем включенности (59%) и средним уровнем (34%).

Кластеры не демонстрируют существенных различий по возрасту и полу входящих в них респондентов. В то же время установлено статистически значимое влияние на уровень включенности студентов в деструктивные практики трех факторов – семьи, группы сверстников и социальных сетей.

«Эффект родительского присутствия». Отсутствие родительского контроля (низкий уровень коммуникации в семье, проживание отдельно от родителей) и неблагоприятные семейные взаимоотношения – значимые факторы включения студентов в деструктивные практики.

Студенты из группы с высоким уровнем включения в деструктивные практики в три раза чаще (15 против 5% в среднем по выборке) отмечают, что родители обычно не

Таблица 2

Взаимосвязь между образом жизни и предполагаемой вовлеченностью студентов в деструктивные практики, в %

Варианты ответов	Высокий	Средний	Низкий	В среднем по выборке
Анкетный вопрос «Если ты не дома и не на занятиях, то знают ли обычно родители, где ты находишься?»				
Всегда знают	12	27	42	35
В большинстве случаев знают	43	38	37	38
Обычно не знают	15	7	2	5
Я всегда дома (если не на занятиях)	4	3	3	3
Не живу с родителями	26	23	14	18
Затрудняюсь ответить	1	1	2	1
Анкетный вопрос «С кем ты предпочитаешь проводить свое свободное время?»				
С семьей	13	25	36	30
С компанией друзей	32	32	30	31
С лучшим другом	13	16	14	15
Один	34	24	18	21
Со своим парнем / девушкой	7	3	2	3

⁶ Речь идет, по контексту анкеты, о неоязычниках, сатанистах и т.д.

знают, где они находятся после занятий в вузе, и в два раза реже (13 против 30%) предпочитают проводить свой досуг с семьей (табл. 2). Напротив, в группе с низким уровнем включения в деструктивные практики большинство указали, что родители всегда знают, где они находятся (42% против 35% в среднем по выборке), а время с семьей предпочитают проводить 36% респондентов.

Как видим, для студентов из первого кластера типичными являются более низкий, чем в двух других кластерах, уровень коммуникации и контроля в семье. Возможно, это связано с отсутствием взаимопонимания с родителями или с неблагоприятной ситуацией в семье в целом.

Деструктивность и одиночество. В группе с высоким уровнем включенности в деструктивные практики наблюдается самый большой процент (10% против 3% в среднем по выборке) отметивших, что «практически нет друзей, чувствуют себя одиночками». Напротив, в кластере с самым низким уровнем вовлеченности в деструктивные практики чаще всего (46%) не испытывают сложности в общении с сокурсниками (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь между отношениями со сверстниками и предполагаемой вовлеченностью студентов в деструктивные практики, в %

Варианты ответа на вопрос «Какие у тебя отношения с однокурсниками?»	Высокий	Средний	Низкий	В среднем по выборке
Со всеми дружеские, у меня много друзей	17	42	46	43
Не со всеми близко дружу, но в целом ровные	71	54	50	52
У меня практически нет друзей, чувствую себя в группе одиноким	10	3	2	3
Трудно сказать	2	2	3	2

При низком уровне коммуникации с однокурсниками референтной группой часто становятся различного рода неформальные молодежные объединения и сообщества. Так, в группе риска выше процент (24% против 16% в среднем по выборке) относящих себя к молодежным сообществам, но ниже доля не состоящих в них (27% против 50% по выборке в целом). В этой же группе 48% (против 34% в среднем по выборке соответственно) отметили, что ни к какому конкретному молодежному объединению себя не относят, но идеи некоторых объединений поддерживают, что дает основание предполагать латентную вовлеченность студентов в молодежные субкультуры. Из 130 студентов, указавших свою принадлежность к какому-либо объединению или сообществу, более чем каждый третий (40 чел.) декларировал причастность к субкультуре аниме (любителей японской мультипликации).

Социальные сети – «способ избежать одиночества». В условиях цифровизации большинство социальных практик молодежь хотя бы частично реализует в социальных сетях. По данным опроса, 71% студентов используют социальные сети более 6 лет. Большинство студентов (87%) в социальных сетях общаются с друзьями и знакомыми из реальной жизни, 5% используют социальные сети для контактов с близкими родственниками, еще 5% предпочитают общаться с виртуальными друзьями, с которыми не знакомы в реальной жизни. При этом учащиеся из «группы риска» гораздо чаще (78%), чем в среднем по выборке (54%), проводят свободное время в социальных сетях.

Основными причинами популярности социальных сетей студенты считают возможность «всегда оставаться на связи и общаться» (86%), «быстро найти интересующую информацию» (55%), «оставаться в курсе событий в жизни друзей» (54%). Каждый третий респондент причиной популярности социальных сетей назвал возможности избежать одиночества (31%, причем эта причина чаще называлась в «группе риска» – 43%), найти единомышленников (30%, в «группе риска» – 46%) или компании для осуществления какого-то проекта (30%, в «группе риска» – 46%). Социальные сети считают местом, где можно высказывать свое мнение (17%, в группе риска – 31%) и проявить свою

Таблица 4

Корреляция между частотой ситуаций, с которыми сталкивались студенты в социальных сетях, и их предполагаемой вовлеченностью в деструктивные практики, в %

Виды деструктивных действий в сети Интернет	Высокий	Средний	Низкий	В среднем по выборке
Обман, мошенничество	75	79	77	78
Распространение вредоносных ссылок, содержащих вирус	78	72	66	69
Оскорбления в твой адрес или в адрес знакомых	73	51	38	46
Призывы к агрессии в отношении людей другой национальности	64	37	30	36
Призывы к акциям политического протеста	53	34	24	30
Размещение компромата (фото, видео) на друзей и знакомых	49	30	20	26
Призывы к агрессии в отношении людей другой религии	44	27	20	25
Пропаганда порнографии	50	20	14	20
Пропаганда суицида	31	14	9	13
Распространение идей нацизма (фашизма)	33	13	8	12
Пропаганда наркотиков	30	11	7	11
Распространение идей ваххабизма (исламизма)	16	6	4	6
Призывы к кулшутингу (стрельбе в школе)	15	5	4	5

индивидуальность (16%, в группе риска – 27%). Причины популярности социальных сетей у студентов из разных кластеров значимо различаются. Если для студентов из третьего кластера социальная сеть носит скорее инструментальный характер, то студенты из «группы риска» чаще характеризуют их как возможности самореализации и коммуникации.

Социальные сети сегодня – это не только возможности коммуникации и получение любой информации, но и всевозможные угрозы и риски. В условиях цифровизации интернет в целом и социальные сети в частности нередко выступают площадками для создания деструктивных сообществ и их продвижения в молодежной среде. По данным отчета Роскомнадзора за 2021 г., наиболее частыми основаниями для блокировки сайтов или их отдельных страниц стали призывы к самоубийству (56%), детская порнография (18%) и незаконный оборот наркотиков (6%)⁷. В изучаемом вузе степень включенности в пространство виртуальных деструкций также чаще всего значимо отличается в зависимости от уровня общей вовлеченности студентов в деструктивные практики (табл. 4).

Итак, исследование студентов крупного регионального вуза показало, что респонденты из «группы риска», имеющие больше близких знакомых с деструктивным поведением и потому, вероятнее всего, сами активнее включенные в деструктивные практики, чаще демонстрируют низкий уровень коммуникации в семье и в студенческой группе. Они чаще проводят время в социальных сетях, компенсируя этим высокий уровень своей социальной обособленности. Полученные данные подтверждают ранее высказанное мнение [Собкин, Федотова, 2019], что для определенных групп молодежи социальные медиа выступают самостоятельным агентом/институтом социализации, способным существенно влиять на формирование определенного типа личности.

⁷ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/p449/> (дата обращения: 18.10.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов А.В. Виртуальная деструктивность и социальное пространство: к постановке проблемы (по материалам полевых исследований идеологии «колумбайн») // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 274–279. DOI: 10.34772/KPJ.2020.141.4.039.
- Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585.
- Козлов В.Е., Мингалиев А.Х. Проблема научной репрезентации современных молодежных субкультур: от методологии к нарративу // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1. С. 255–263. DOI: 10.34772/KPJ.2020.138.1.038.
- Собкин В.С., Федотова А.В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308.

Статья поступила: 24.11.22. Финальная версия: 04.01.23. Принята к публикации: 17.01.23.

FACTORS OF STUDENTS INVOLVEMENT IN DESTRUCTIVE PRACTICES IN REAL AND DIGITAL SPASE

DADAIEVA T.M.*, SHUMKOVA N.V.*

*National Research Mordovian State University of N.P. Ogarev, Russia

Tatiana M. DADAIEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (dadaeva13@mail.ru); Nataliya V. SHUMKOVA, Can. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (niiregion@mail.ru). Both – National Research Mordovian State University of N.P. Ogarev, Saranck, Russia.

Abstract. The study is based on the data of a students' sociological survey the attitude to destructive practices. The influence of factors – agents of socialization – as family, classmates, social networks on involvement in destructive practices is proved. The authors using cluster analysis, attempted to determine the “risk group” among students based on the following indicators: level of communication and control in the family, level of communication and integration in the student group, level of communication and involvement in social networks. It is concluded that the degree of involvement in the space of virtual destructions differs significantly depending on the level of student's involvement in destructive practices. Respondents from the “risk group” more often demonstrated a low level of communication and control in the family, more often noted the involvement of close friends in destructive practices, poor integration and communication in student groups, spending much time on social networks more often encountering destructive content there, in general have a high level of social isolation, manifesting in certain circumstances in hidden destructive aggression both against oneself and against others.

Keywords: sociology of deviance, destructive practices, student youth, risk groups, family, peers, social networks.

REFERENCES

- Ivanov A.V. (2020) Virtual destructivity and social space: to the statement of the problem (on the materials of field studies of ideology “columbine”). *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Teaching Journal]. No. 4: 274–279. DOI: 10.34772/KPJ.2020.141.4.039. (In Russ.)
- Karpova A.Y., Savelev A.O., Vilnin A.D., Chaykovskiy D.V. (2020) Studying Online Radicalization of Youth through Social Media (Interdisciplinary Approach). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.158. (In Russ.)
- Kozlov V., Mingaliev A. (2020) The problem of scientific representation of modern youth subcultures: from methodology to narrative. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Teaching Journal]. No.1: 255–262. DOI: 10.34772/KPJ.2020.138.1.038. (In Russ.)
- Sobkin V.S., Fedotova A.V. (2019) Social Media as a Field of a Modern Teenager's Socialization [Elektronny resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 27. No. 3: 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308. (In Russ.)

Received: 24.11.22. Final version: 04.01.23. Accepted: 17.01.23.